

Глава 37. Инсектоиды

Нет места прекраснее. Сотни миллионов лет назад в небесах пульсировали звёздные реки, вздымались и опадали горные хребты. Солнце вставало над краем вечности, а сменяющие друг друга сезоны пробуждали мир от долгого сна. Миллионы лет назад предки людей пересекли африканские саванны, чтобы пустить здесь корни, и спустя ещё миллионы лет они должны были разделить с этой землёй и жизнь, и смерть.

Этот небосвод оставался неизменным вечно. Поэтому Чу Суй никогда не думал, что однажды земля под его ногами исчезнет в пучине времён, станет недосыгаемой, а её место займёт совершенно иная раса.

В ходе долгой эволюции инсектоиды стали единственной высокоразвитой формой жизни в бескрайней пустоте космоса. Внешне они почти не отличались от людей, но обладали жаждой крови и невероятной силой, особенно самки. Однако века бесконечных сражений оставили след в их естестве: копившаяся в крови агрессия постепенно разъедала разум, ведя к безумию и смерти. Лишь феромоны самцов могли укротить этот первобытный шторм.

На заре становления их цивилизации самцов было ничтожно мало. Самки, движимые инстинктами размножения и выживания, начали устраивать на них охоту, доходя до похищений и заточения в неволе. Но они не учли одного: самцы были слабы от природы. Напуганные и израненные, они переставали выделять феромоны. Болезни и смерти косили их ряды. Когда стало ясно, что раса находится на грани вымирания, хаос наконец прекратился.

Прежние правила были стёрты. На их руинах воздвигли новый порядок — жестокий и несправедливый.

После великого переворота статус самцов вознёсся недосыгаемо высоко. Им не нужно было трудиться или знать тяготы жизни. Они могли брать в жёны множество самок, а за побои и издевательства над ними закон никогда не призывал к ответу. Вся забота и терпимость общества инсектоидов были сосредоточены лишь на них одних.

Боевая мощь самок была неоспорима, но они вынуждены были зависеть от феромонов самцов, чтобы просто не сойти с ума. Этот причудливый способ существования в какой-то момент замер в точке хрупкого, странного равновесия.

Мир инсектоидов мог стать для самца либо райским садом, либо преисподней, в которой легко потерять себя.

Чу Суй был единственным сыном в семье, с малых лет избалованным и изнеженным. Он рос типичным прожигателем жизни, не смыслившим ни в каком труде. Поэтому было предрешено, что, оказавшись волею случая в этом мире, он ничем не станет отличаться от местных самцов, погрязших в праздности.

Ему не нужно было ни о чём беспокоиться. Каждое утро его холодный и прекрасный супруг опускался перед кроватью на колени, чтобы помочь ему одеться, а затем подавал роскошный завтрак. Их дом, больше похожий на дворец, сверкал богатством. На прогулки он отправлялся на лучших летательных аппаратах, выбирая из десятка предложенных. Бесчисленные самки мечтали лишь о том, чтобы юноша задержал на них взгляд, готовые принести к его ногам и свои богатства, и саму жизнь.

Разве можно было устоять перед таким обожанием?

Кто бы смог?..

Он был всего лишь человеком, а людям свойственны слабости и страсти.

Поначалу Чу Суй чувствовал себя не в своей тарелке, но со временем привычка взяла своё. Он привык к тому, что супруг разговаривает с ним, лишь стоя на коленях, привык к безграничному потаканию его капризам. Он вознёсся на вершину и, подражая другим, начал ради забавы избивать и истязать самок.

Нельзя сказать, что ему очень нравился такой способ времяпрепровождения. Просто Чу Суй видел, что так поступают все, и делал то же самое.

Когда-то он был человеком, но за долгие годы в этом мире сам превратился в инсектоида.

Однако удача не могла сопутствовать ему вечно. Спустя несколько лет безбедной жизни в империи вспыхнуло восстание. Годы угнетения и издевательств переполнили чашу терпения самок, и они восстали, сокрушив искажённый строй, где самец был венцом творения.

Вся военная мощь империи всегда была в руках самок. Нетрудно догадаться, что, когда настал час расплаты, самцы оказались совершенно беспомощны. Им не оставалось ничего, кроме как трусливо молить о пощаде или бессильно выкрикивать проклятия.

Чу Суй был одним из тех, кого в день мятежа забрали военные. Его заперли в пустой комнате, сковав по рукам и ногам, точно опасного преступника. Липкий, неотвязный страх смерти окутал его сознание.

Лишь тогда ему стало по-настоящему страшно, но он не знал, у кого просить помощи. Сжавшее запястья кольцо подавления способностей лишало сил, разрушая его человеческое тело. Когда дверь наконец распахнулась, Чу Суй был уже при смерти — он не мог даже поднять головы.

В полосе мутного света показались тяжёлые армейские сапоги. Голоса снаружи доносились словно сквозь вату.

— Генерал... Надеюсь, вы понимаете, что это исключение... Пожалуйста, не задерживайтесь...

— Я знаю меру.

Последний голос, низкий и холодный, был Чу Сую до боли знаком. Он через силу приподнял голову и увидел мужчину в военной форме. Его кожа была мертвенно-бледной, а из-под козырька фуражки смотрели льдисто-голубые глаза. Невозмутимый, точно заснеженная горная вершина, он вошёл в камеру — это был его супруг, А-Но.

Лязгнули цепи.

В груди юноши не было радости, лишь леденящий ужас. Он вспомнил, как избивал и унижал А-Но, как вымещал на нём свою злобу, и теперь был уверен: тот пришёл мстить. Он забился в оковах ещё яростнее.

Бледный как полотно, Чу Суй отчаянно затряс головой, лепеча что-то бессвязное:

— Нет... нет... ты не смеешь меня убивать... Если я умру, ты погибнешь следом!

Когда-то он пометил А-Но, и теперь тот мог существовать, лишь получая его феромоны. Если Чу Суй погибнет, А-Но ждала мучительная смерть от генетического хаоса в крови.

А-Но не ответил. Он молча наблюдал за жалкими попытками Чу Сую вырваться. Достав из нагрудного кармана тонкий шприц, он щёлкнул пальцем по стеклу, проверяя прозрачную розовую жидкость, и молча закатал рукав пленника.

Мужчина в белых перчатках коснулся его кожи, и от этого прикосновения юноша замер, словно его внезапно схватили за горло. Он в ужасе смотрел на А-Но, едва выдавив из себя:

— Нет...

Игла вошла в вену. Розоватая жидкость медленно потекла по сосудам, не причиняя боли.

— Вы, должно быть, и представить не могли, что этот день настанет, — наконец заговорил А-Но.

На его рукаве ярко горела нашивка в виде розы. Меч на левой стороне символизировал отвагу, щит на правой — верность. Скрещённое оружие оберегало цветок в центре — высший знак отличия империи.

Перед ним стоял прославленный воин, чьи заслуги были неоспоримы. Чу Суй никогда не видел его в бою; в его памяти А-Но остался лишь покорным существом, которое, раздевшись догола, стояло перед ним на коленях, покрытое багровыми рубцами от плети.

Колесо судьбы совершило оборот, и теперь они поменялись местами.

Веки Чу Суя потяжелели, лекарство начало действовать, лишая последних сил. Собрав остатки воли, он прерывисто прошептал:

— Я умру... и ты... тоже...

А-Но безучастно смотрел на него:

— Вы ошибаетесь. Моя жизнь оборвалась в тот миг, когда я, терзаемый безумием крови, оставил поле боя, чтобы стать вашим супругом.

Для многих самок этот момент становился началом долгого и мучительного конца: чтобы просто выжить, они были вынуждены склонять головы перед самцами, терпя любые надругательства.

Чу Суй пытался что-то сказать, его губы шевельнулись, но жизнь стремительно покидала его. А-Но потянулся к его лицу, но рука замерла на полпути:

— Это лекарство не причинит вам боли.

В камере воцарилась тишина.

Чу Суй больше не мог ответить. Его голова бессильно опустилась на грудь.

Помедлив, А-Но всё же коснулся его лица, бережно обхватив его ладонями.

Когда Чу Суй молчал, он казался почти милым: изящный разрез глаз, высокая переносица, а когда он улыбался, уголки губ чуть подрагивали, придавая лицу соблазнительное выражение. Но в жизни его характер был невыносим — он напоминал капризного, испорченного ребёнка.

— Повелитель...

А-Но негромко произнёс это забытое обращение. Он закрыл глаза, затем отстранился и, развернувшись, вышел из комнаты.

Охранник снаружи запер дверь и, отдав честь, почтительно, но твёрдо произнёс:

— Командир, это в последний раз.

В соседних камерах томились другие самцы. Оттуда доносились звуки, которые А-Но знал слишком хорошо: свист плети и истошные крики. Но теперь правила диктовали самки.

Он медленно кивнул и зашагал прочь.

Жизнь Чу Суя оборвалась, но он был выбран целью для исправления. Система, просмотрев его недолгий путь на мерцающем экране, сделала в своём журнале три записи:

[Первое: искоренить в носителе лень и тягу к праздности.]

[Второе: научить его обеспечивать себя самостоятельно.]

[Третье: обеспечить его выживание в грядущей катастрофе.]

Закончив, Система взмахнула крыльями и нырнула в межпространственный туннель. Время под её воздействием повернуло вспять, даруя миру возрождение.

Когда Чу Суй снова открыл глаза, в его памяти всё ещё стоял холод тюремной камеры. Нащупав под собой мягкий шёлк простыней, он решил, что это очередной бред умирающего сознания. Лишь свалившись с кровати и ощутив резкую боль от удара, он окончательно пришёл в себя.

Эта роскошная комната была ему знакома. Вся обстановка казалась пугающе привычной. Чу Суй неуклюже поднялся с пола, не понимая, что происходит, пока не бросил взгляд на запястье. Дата на экране оптического компьютера заставила его зрачки сузиться. Словно увидев призрака, он с размаху влепил себе пощёчину.

Звонкий хлопок эхом отразился от стен. От боли он судорожно вздохнул. Потираю горящую щеку, Чу Суй снова уставился на время и в полном оцепенении опустил обратно на кровать.

«Я переродился?»

Судя по дате, он совсем недавно попал в этот мир. Тогда военные нашли его в диких землях и доставили в столицу. Тесты подтвердили, что он самец, и ему выдали временный вид на жительство, а государство выделило ему супруга.

Но как он мог вернуться назад?

Чу Суй сидел на краю постели, погружённый в свои мысли. В этот момент в дверь тихо

постучали. В комнату вошёл стройный, красивый мужчина. Его длинные изящные пальцы уверенно держали поднос. Подойдя к хозяину, он опустился на колени. Его густые ресницы отбрасывали тень на мертвенно-бледную кожу, напоминая крылья застывшей бабочки.

— Повелитель, ваш завтрак.

На нём была безупречно чистая белая рубашка, застёгнутая до самого подбородка. Армейские брюки, чёрные сапоги, туго затянутый ремень, подчёркивающий тонкую талию... С этого ракурса Чу Суй видел полоску кожи над воротником — она была покрыта свежими багровыми и синюшными следами от плети.

«Кажется, я бил его вчера»

Вспомнив свою смерть от рук этого человека, юноша почувствовал, как сердце начинает бешено колотиться. Он впился взглядом в А-Но, затем резко схватил его за подбородок, заставляя поднять голову. Светло-голубые глаза, полные холодной покорности, встретились с его взором.

Кончики пальцев А-Но едва заметно дрогнули. Он выглядел скованным, пряди волос упали на лоб, скрывая взгляд.

— Повелитель...

«И к чему этот маскарад?»

Подумал Чу Суй. Когда тот убивал его, в нём не было и тени страха. Гнев и обида захлестнули его. Не сдержавшись, он одним резким движением перевернул поднос с завтраком и ударил А-Но ногой в плечо. Тот не посмел защищаться и лишь неловко повалился на пол.

Чу Суй вскочил, забыв обо всём в порыве ярости. Он уже засучил рукава, собираясь продолжить расправу, как вдруг всё его тело пронзил яростный электрический разряд. Сознание взорвалось острой болью, и в голове прозвучал строгий, незнакомый голос:

[Внимание! Внимание! Действия носителя нарушают протокол исправления. Немедленно прекратите!]

От удара тока конечности юноши онемели, и он мешком рухнул на ковёр. А-Но, увидев это, тут же подскочил к нему, пытаясь помочь. Его брови сошлись на переносице, а в голосе послышалось непривычное смятение:

— Повелитель, что с вами?

Голова Чу Суя гудела, он с трудом пришёл в себя. Опираясь на руку А-Но, он поднялся, дико озираясь по сторонам в поисках той невидимой твари, что только что его ударила. Но в комнате никого не было.

— Повелитель?

Голубые глаза супруга были прикованы к нему, и этот взгляд заставил Чу Суя вспомнить тот холод, что он ощущал перед смертью. Ярость мгновенно испарилась, сменившись ледяным спокойствием.

В глубине души он был обычным трусом, который смел нападать только на тех, кто не мог ответить. Осознав нечто важное, Чу Суй резко вырвал руку из пальцев А-Но и в испуге отшатнулся. Он пытался сохранить грозный вид, но сейчас больше напоминал сдувающийся мяч.

— Ты... ты...

Он долго не мог подобрать слов, лишь указывал дрожащим пальцем на дверь. Наконец, выпятив челюсть, юноша выкрикнул:

— Вон! Убирайся отсюда!

А-Но помедлил, затем медленно убрал руки. Он молча собрал осколки посуды и бесшумно покинул комнату.

У дверей застыл караул. Адъютант, ждавший внизу, шагнул навстречу А-Но, как только тот спустился:

— Генерал, срочный вызов из штаба.

А-Но с безразличным видом протянул ему поднос с осколками, вытер руки и набросил на плечи форменный китель, скрывая следы от плети. Металлические пуговицы с гравировкой в виде роз тускло блеснули.

Он застегнул воротник до самой последней пуговицы и спросил:

— Что случилось?

Адъютант сделал вид, что не заметил разбитой посуды и состояния командира.

— Говорят, дело касается перераспределения командования.

Помолчав, он нерешительно добавил:

— Генерал передал, что, учитывая вашу недавнюю свадьбу, вы можете не приходить, если заняты домом. Отгул оформят задним числом.

А-Но едва заметно нахмурился и зашагал к выходу:

— В этом нет необходимости.

В это время Чу Суй в своей комнате вёл отчаянную борьбу с Системой. Он вырос в неге, не зная лишений, и его это было размером с дом. То, что его ударили током, он простить не мог.

— Ты как смеешь меня трогать?! Кто тебе дал право?! А ну, выходи, сразимся по-настоящему, трусливая железка!

Чу Суй засучил рукава, уверенный, что справится с каким-то там летающим шаром. Система парила под потолком, мерно взмахивая крыльями, и не думала спускаться.

[Пи-ип! Дорогой носитель, если вы не будете нарушать правила исправления, Система не применит наказание. Наша цель — ваше преображение. В море страданий нет края, но стоит лишь обернуться — и вот он, берег!]

— Ты... ты совсем из ума выжила? — пробормотал Чу Суй.

[Я — нет, а вот у вас проблемы,]

Серьёзно поправила его Система.

[Лень, гнев, гордыня и алчность — ваши главные грехи.]

Но Чу Суй не чувствовал за собой вины:

— Да таких, как я, тут пруд пруди! Что ж ты к ним не привязалась?!

Система спросила в ответ:

[А ты кто? Инсектоид или человек?]

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Тело Чу Суя одеревенело, лицо стало белым как бумага. Система повторила вопрос:

[Чу Суй, так кто же ты — инсектоид или человек?]

Чу Суй...

Он уже и забыл, когда в последний раз слышал это имя. Это было его имя, данное ему родителями. Он человек. Конечно, он человек! У инсектоидов нет фамилии Чу, никогда не было.

Он замер, глядя на Систему. Его губы дрожали, и лишь спустя долгую минуту он смог выдать три слова:

— Я человек.

Система, покачиваясь в воздухе, продолжила допрос:

[Тогда почему ты живёшь как насекомое?]

Чу Суй не нашёл ответа. Силы покинули его, и он рухнул на диван, точно лишившись души.

Почему он живёт как насекомое? Почему?

Он считал себя самым несчастным существом во вселенной. Он всего лишь пошёл с друзьями в горы и вдруг очутился в этом жутком месте. Юноша искал ответы, копался в сети, но везде было сказано одно: Земля исчезла миллионы лет назад, не оставив и следа в космосе.

Какое невезение! Какое проклятие!

Чу Суй не мог подобрать других слов. У других рушились семьи или страны, а у него — у него погибла целая планета!

<http://bllate.org/book/15807/1435468>